

ВЕДУНЬЯ

Та, что смотрит из леса

Книга третья



Ирина Бодякшина

Ирина Бодякшина

**Ведунья. Книга третья.
Та, что смотрит из леса**

«Автор»

2026

Бодякшина И. В.

Ведунья. Книга третья. Та, что смотрит из леса /
И. В. Бодякшина — «Автор», 2026

Год тишины. Аня прядет нить. Артём собирает род. Иван читает имена. Всё было «после». Но лес не отпускает. Артём привозит карту. С крестом в центре леса. С надписью: «Не открывай. Пока не придёт та, кто отпустит». И запись. Раньше Евы. На сто лет. Подписана: «Та, что помнит». Аня прядет — и нить чернеет. Сама. Как будто кто-то дёрнул её с той стороны. Как будто кто-то ждал. Та, что была до всех. Та, что открыла первую дверь. Та, что помнит. Она не хочет прощения. Она хочет «тебя». И Ирина должна решить: открыть дверь или закрыть. Но как закрыть то, что было до тебя? Финал трилогии. Род продолжается.

Содержание

Пролог. Та, что стоит на границе	6
Глава 1. Записка, которую не дочитали	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ведунья. Книга третья. Та, что смотрит из леса

Название: Ведунья. Книга третья. Та, что смотрит из леса

Автор(-ы): Ирина Бодякшина

Ссылка: <https://author.today/work/673282>

Пролог. Та, что стоит на границе

Я стою на границе.

Не между жизнью и смертью. Между лесом и домом. Между тьмой и светом.

Я знаю этот лес наизусть. Каждую тропинку. Каждый пенёк. Каждую яму. Я знаю, где растёт зверобой, а где — полынь. Где живёт сова, а где — лиса. Я знаю этот лес лучше, чем свой дом. Потому что я — его часть.

Я смотрю на дом. В окнах горит свет. Тёплый. Жёлтый. Живой.

За столом сидит она. Ирина. Та, что смогла. Та, что вспомнила. Та, что выбрала всех.

Рядом с ней мужчина с серыми глазами. Иван. Тот, кого она спасла. Тот, кто стал дверью. Тот, кто вернулся.

Напротив — молодой парень. Артём. Сын. Ведун. Тот, кто вспомнил колодец.

Они пьют чай. Смеются. Живут.

Они думают, что всё закончилось. Они думают, что тьма ушла. Они думают, что дверь закрыта.

Но дверь — это не скит. Дверь — это не колодец. Дверь — это не Иван.

Дверь — это я.

Я стою на границе и жду. Я жду уже год. Может быть, два. Может быть, сто. Время здесь не течёт. Оно стоит на месте.

Я не помню, как меня зовут. Я помню только лицо. Её лицо. Лицо Ирины. Потому что я — это она. Та, что осталась. Та, что не ушла. Та, что ждала.

Я не пришла за местью. Я не пришла за прощением. Я пришла за **правдой**.

Потому что записка, которую она не дочитала, была не от меня. Она была **обо мне**.

И если она не дочитает её до конца — я заберу не её ребёнка. Я заберу **всё**.

Глава 1. Записка, которую не дочитали

Записка лежала на столе уже год.

Я не убирала её. Не сжигала. Не прятала в ящик. Она просто лежала — пожелтевшая, с загнутыми краями, с тёмным, резким почерком. Между иконой Неопалимой Купины и тяжёлым чугуном. Как будто была частью дома. Как будто всегда здесь была.

Я читала её каждое утро. Первую строку. «Ты закрыла дверь». И останавливалась. Не потому, что не хотела знать, что там дальше. Потому что уже знала. Потому что чувствовала. Потому что это было написано для меня. И я не была готова.

Утро началось с запаха стружки.

Иван с рассвета возился в сарае. Он говорил: «Руки должны помнить, что они живые». И мастерил. Что-то маленькое, из дерева. Я не спрашивала, что именно. Знала: когда закончит — покажет. Он всегда показывал.

Артём колот дрова. Резкие, размеренные удары топора доносились со двора. Удар. Пауза. Удар. Пауза. Как метроном. Как сердце дома. Он вырос за этот год — вытянулся, раздался в плечах, стал похож на отца. Но глаза у него были мои. Серые. Тихие. Живые. И на виске — тонкий белый шрам. Как нить. Как память. Как род.

Я сидела у окна. С чашкой чая. Остывшего. Я не пила. Я смотрела на лес.

Лес был тихим. Спокойным. Живым. Как будто ничего не случилось. Как будто не было ни скита. Ни тьмы. Ни его.

Дом за этот год стал другим.

На стенах — иконы. Не только Неопалимая Купина. Ещё три. Бабушкины. Я нашла их на чердаке, в старом сундуке, среди пожелтевших фотографий и вышитых полотенец. Они были тёмные, обожжённые, но живые. Я повесила их рядом. Как род. Как память. Как свет.

На подоконнике — герань. Красная. Цветёт даже зимой. Артём принёс её откуда-то из школы. Сказал: «Пусть будет». Я не спорила. Пусть цветёт. Пусть живёт.

На столе — чугунок. Тяжёлый. Чёрный. С щербиной на боку. Бабушкин. В нём варилась каша. Тёплая. Живая. Как будто её только что сварили.

А рядом — записка. Пожелтевшая. С загнутыми краями. С тёмным почерком. «Ты закрыла дверь».

Иван вошёл на кухню. Тихо. Как всегда. Он умел входить так, что половицы не скрипели. Говорил: «На полу слышно, как дышит дом. А на кухне — как дышит род».

Он поставил передо мной новую чашку. Горячую. С чаем. С мятой. С мёдом. И сел напротив.

— Ты опять на неё смотришь, — сказал он.

Я не ответила. Смотрела на записку.

— Ирина.

— Что?

— Прочитай.

— Не могу.

Он вздохнул. Тяжело.

— Ты боишься, — сказал он. Не спросил. Сказал.

— Боюсь.

— Чего?

Я посмотрела на него. Долго. Молча. Потом — на записку. Потом — на окно. За окном был лес. Тёмный. Густой. Живой.

— Того, что там написано, — сказала я. — Того, что я не смогу это исправить. Того, что я снова опоздаю.

Он взял мою руку. Его ладонь была тёплой. Сухой. Как земля в июле. Как бабушкины ладони. Как память.

— Ты справилась тогда, — сказал он. — Справишься и сейчас.

Я засмеялась. Горько. Без радости.

— Я не справилась. Я просто выжила.

— Это одно и то же.

Я посмотрела на него. Долго. Молча. Потом кивнула.

— Хорошо. Сегодня — отдохну.

Артём вошёл на кухню. Он был выше, чем год назад. Шире. Взрослее. На его виске белел тонкий шрам. Как нить. Как память. Как род.

Он не сказал «доброе утро». Он просто встал в дверях и посмотрел на лес. Долго. Молча. Как ведун. Как тот, кто знает, что делает.

— Мам. Там кто-то есть.

Я обернулась.

— Где?

— В лесу. На границе. Я видел.

Я встала. Подошла к окну. Посмотрела.

Там, на краю поляны, где лес переходит в овраг, стояла женщина. Высокая. В чёрном. Неподвижная. Она не двигалась. Не махала рукой. Не звала. Она просто стояла и смотрела. Прямо на наш дом. Прямо на окно. Прямо на меня.

— Кто это? — спросила я.

— Не знаю, — сказал Артём. — Но она смотрит.

Я замерла.

— Она?

— Да. Женщина. В чёрном. Стоит на границе. И смотрит.

Я посмотрела на записку. На первую строку. «Ты закрыла дверь».

И в этот момент я поняла: пора дочитать.

Я взяла записку. Развернула. Прочитала.

Всю. До конца.

«Ты закрыла дверь. Ты спасла род. Но ты не спасла меня. Я жду. Под колодцем. Там, где ты не искала. Приходи. Одна. Иначе — пожалеешь».

И ниже. Мелко. Почти не видно. Как будто писали второпях.

«Она не одна. Та, что стоит на границе, — не я. Она пришла раньше. Она ждала дольше. Она — та, что была до тебя. И она не хочет прощения. Она хочет тебя».

Я опустила записку. Руки дрожали.

— Что там? — спросил Иван.

Я посмотрела на него. На Артёма. На лес за окном.

— Там написано, что я ошибалась, — сказала я. — Всё это время. Я думала, что тьма — это прабабка. Что тьма — это Аграфена. Что тьма — это он. Но тьма — это не они. Тьма — это та, что была до нас. Та, что ждала дольше всех. Та, что стоит на границе.

— Кто она? — спросил Артём.

Я посмотрела на лес. Долго. Молча.

— Я не знаю, — сказала я. — Но она знает меня.

Тишина.

Долгая. Густая. Как вода в колодце. Как воздух в кухне. Как то, что было до света. До жизни.

Я смотрела на лес. На женщину в чёрном. На её неподвижную фигуру. На то, как она стоит. Как ждёт. Как смотрит.

Иван встал. Медленно. Тихо. Подошёл к окну. Встал рядом. Плечом к плечу. Как будто боялся, что я исчезну.

Артём шагнул к двери. Медленно. Тихо. Положил руку на щеколду. Не открыл. Просто положил. Как будто готовился.

Свеча на столе вытянулась. Пламя стало тонким, как нить. Воск потёк быстрее.

И в этот момент в дверь постучали.

Три раза. Медленно. Тихо. Тяжело.

Как будто стучали не рукой. А чем-то другим. Чем-то, что было глубже. Старше. Темнее. Артём не открыл дверь.

Он стоял. Держал руку на щеколде. Смотрел на меня. Ждал. Как ведун. Как сын. Как тот, кто знает: если открыть — назад пути не будет.

— Мам?

Я встала. Медленно. Тихо. Подошла к двери. Положила ладонь на его руку. Она была холодной. Как лёд. Как вода в колодце. Как тьма.

— Открывай.

Он открыл.

Дверь скрипнула. Не так, как всегда. Не нудно. Не тихо. А тяжело. Как будто её держали с другой стороны. Как будто она не хотела открываться.

В дом вошёл воздух. Холодный. Густой. С запахом снега и старой хвои. Свеча, та самая, что вытянулась, дрогнула и погасла.

А потом я увидела её.

Она стояла на пороге, и дом не знал, как к ней относиться.

Печь не остыла. Иконы не потемнели. Но воздух в кухне стал другим. Густым. Тяжёлым. Как перед грозой. Как перед смертью. Как перед чем-то, что больше смерти.

Она была высокой. Очень высокой. Так высоко, что ей приходилось чуть наклонять голову, чтобы не задеть притолоку. В чёрном платье. Простом. Длинном. Без украшений. Без вышивки.

Но она была живой. Я это чувствовала. Не дух. Не тень. Не воспоминание. Живая. Плоть. Кровь. Дыхание. Она дышала. Медленно. Ровно. Глубоко. Как дышит человек, который привык ждать.

— Здравствуй, Ирина, — сказала она.

Голос был низким. Глухим. Как будто она говорила изнутри дома. Изнутри леса. Изнутри стен.

— Кто ты?

Она не ответила. Шагнула в дом. Прошла мимо Артёма. Не посмотрела на него. Мимо Ивана. Не посмотрела. Остановилась у стола.

Долго смотрела на записку. На чугунок. На икону. Медленно провела пальцем по краю стола. По трещине в дереве. Как будто вспоминала. Как будто читала невидимые письма, оставленные здесь сто лет назад.

Потом посмотрела на меня.

— Ты её дочитала.

— Да.

— И что ты поняла?

Я посмотрела на записку. На свои руки. На лес за окном. Я знала ответ. Знала его уже год. Но произнести его вслух было всё равно что шагнуть в колодец.

— Что ты — первая, — сказала я.

Она улыбнулась. Тихо. Грустно.

— Первая, — повторила она. — Хорошее слово. Простое. Как будто за мной ничего нет.

— А разве нет?

Она не ответила. Посмотрела на Ивана. Долго. Молча. Потом — на его руки. На шрамы. На седину.

— Ты держал нить, — сказала она.

Иван не ответил сразу. Он сделал вдох. Глубокий. Медленный. Как перед прыжком в воду. Посмотрел на свои руки. На шрамы. Потом на неё. Потом — в сторону. На окно. На лес. И только потом выдохнул.

— Держал, — сказал он.

Она кивнула. Как будто этого было достаточно.

Артём смотрел на него. Молча. Смотрел так, как смотрят на того, кого только что узнали заново.

Она повернулась к Артёму. Посмотрела на его лицо. На шрам на виске. На глаза.

— А ты видел мальчика у колодца.

Артём шагнул вперёд. Медленно. Тихо.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю всё, что знает лес.

— Лес — это не ты.

— Лес — это моя кровь. — Она улыбнулась. — И твоя тоже.

Артём побледнел. Но не отступил.

— Ты сказала, что ты первая, — сказал он. — Первая — кто?

— Первая, с которой всё началось. Первая, что создала щит. Первая, что оставила кровь.

— Она посмотрела на него. Долго. Молча. — И первая, кто не смог его удержать.

— Какой щит?

— Тот, что ты видишь в каждом сне. Тот, что закрывает дверь. Тот, что держит тьму.

Артём замер.

— Тьма — это щит?

— Да. — Она кивнула. — Тьма — это щит. Но щит треснул. И теперь я ищу того, кто сможет его починить.

Она села за стол. Просто. Без приглашения.

Иван отодвинулся. Медленно. Не от страха. От чего-то другого. От того, что не терпит близости. Артём не сел. Остался у печи. Скрестил руки на груди. Смотрел на неё. Не отводил глаз.

Ева положила руки на стол. Длинные. Тонкие. С длинными пальцами. С обломанными ногтями. Как у меня. Как у всех женщин рода. Она провела пальцем по краю чугунок. По щербине. По трещине. Медленно. Как будто вспоминала.

Потом посмотрела на икону. Долго. Молча. Потом — на меня.

— Ты думаешь, что я — зло, — сказала она. — Ты думаешь, что я — та, с которой началась тьма. Та, что создала проклятие. И ты права. Я создала тьму. Но не так, как ты думаешь.

— А как?

— Я создала щит. — Она замолчала. Посмотрела на свои руки. — Из страха. Он впитал этот страх. И стал тем, чем стал.

— Тьмой.

— Да. Тьмой. — Она снова замолчала. Долго. Смотрела на свечу. На пламя. На воск. — Тьма — это не зло. Это шов. Кривой. Грубый. На живом. Я наложила его сама. И он гноится. Тишина. Долгая. Тяжёлая. Как вода в колодце.

Она смотрела на свечу. На воск, который капал на блюдце. Медленно. Тягуче. Как кровь. И я видела, как ей тяжело. Как она тянет время. Как ей стыдно.

Я ждала. Артём не выдержал. Шагнул вперёд. Один шаг. Тихо. Но Ева даже не повернулась к нему. Она смотрела на свечу. Потом — на икону. На тёмный лик. На потрескавшийся оклад.

— Я помню её, — сказала она. — Такой же была в ските. До огня.
И только потом повернулась ко мне.

— Зачем ты пришла?

— Чтобы проверить.

— Что проверить?

— Тебя. — Она посмотрела на меня. Долго. Молча. Потом — на записку. — Ты дочитала её. Ты узнала, что я жду. Ты узнала, что я хочу тебя. Но ты не спросила главного.

— Чего?

— Зачем мне ты?

Я замерла.

— Зачем?

— Потому что щит нужно передать. — Она улыбнулась. Тихо. Грустно. — Я держала его слишком долго. Сто лет. Двести. Тысячу. Я устала. Я хочу уйти. Но щит нельзя просто бросить. Его можно только передать. Тому, кто сможет его удержать. Тому, кто не сломается.

— И ты думаешь, что это я?

— Я думаю, что это ты. — Она посмотрела на меня. Долго. Молча. — Но я должна проверить.

— Как?

— Ты должна пройти туда, куда я не смогла. — Она встала. Медленно. Тихо. — Ты должна спуститься туда, где тьма началась. Не в скит. Не в колодец. А глубже. Туда, где я создала щит. Туда, где я оставила свою первую кровь.

— Где это?

— В лесу. — Она посмотрела на окно. На лес. На тьму. — За скитом. За оврагом. За поляной. Там есть место, которого нет на картах. Там есть дверь, которую я закрыла. Там есть комната, которую я запечатала. И там есть то, что я оставила. То, что ждало. То, что теперь ждёт тебя.

— Что там?

— Правда. — Она посмотрела на меня. Долго. Молча. — О том, кто я. О том, кто ты. О том, почему род существует. И о том, что будет, если ты не сможешь.

Она повернулась. Собиралась уходить.

— Подожди.

Она остановилась.

— Как тебя зовут?

Она обернулась. Посмотрела на меня. Долго. Молча. И в её глазах было что-то, от чего у меня сжалось сердце. Не ненависть. Не злоба. Не тьма.

Стыд.

— Меня зовут Ева, — сказала она.

И в этот момент свеча на столе вспыхнула. Ярко. Тепло. Живо. Как будто кто-то чиркнул спичкой. Но спички не было. Только свет.

А потом — погасла. Сама.

И лес за окном затих. Не так, как затихает перед дождём. А так, как затихает зверь, когда слышит своё имя.

Глава 2. Сборы

После того как Ева ушла, в доме стало тихо.

Не той тишиной, что бывает, когда все спят. А другой. Густой. Как будто кто-то выключил звук. Как будто воздух стал плотнее. Как будто дом слушал.

Я стояла у стола. Смотрела на свечу. На воск, который застыл неровной лепёшкой. На записку. На чугунок. На икону. И чувствовала: что-то изменилось. Что-то сдвинулось. Как будто мир повернулся на один градус, и теперь всё стоит чуть под другим углом.

Иван сидел на лавке. Молчал. Смотрел на свои руки. Артём стоял у печи. Скрестив руки. Смотрел на дверь, за которой скрылась Ева. Как будто ждал, что она вернётся. Как будто знал, что она вернётся.

— Она не врёт, — сказал Артём.

Я посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел её глаза. Когда она сказала про шов. Она не врала.

— Это ничего не значит, — сказал Иван. — Тьма тоже не врёт. Тьма просто берёт.

— Она не тьма, — сказал Артём. — Она — первая. Та, что создала тьму. Это другое.

— Это одно и то же, — сказал Иван. — Она создала щит. Щит стал тьмой. Она не смогла его удержать. И теперь она ищет того, кто сможет. Это не милосердие. Это передача.

— Передача чего? — спросила я.

— Щита, — сказал Иван. — Тьмы. Того, что она держала тысячу лет. Того, что она больше не может держать. Она хочет уйти. Но щит нельзя просто бросить. Его нужно передать. И она выбрала тебя.

— Почему меня?

— Потому что ты — последняя. Потому что ты — ведунья. Потому что ты — хранительница. Потому что ты справились с тем, с чем не справились она.

— Я не справилась. Я просто выжила.

— Ты выжила. Этого достаточно.

Я посмотрела на него. Долго. Молча. Потом — на Артёма. На лес за окном.

— Она создала щит из страха, — сказал Иван. — А ты — из любви. Это разница.

Я села за стол. Посмотрела на записку. На первую строку. «Ты закрыла дверь».

— Что там? — спросил Артём. — В лесу? За скитом? За оврагом?

— Я не знаю, — сказала я. — Но я знаю, что туда нужно идти.

— Одна? — спросил Иван. Голос был ровным. Но я слышала, как он напрягся.

— Она сказала «одна».

— Она сказала «приходи. Одна». Но она не сказала «иди одна». — Иван посмотрел на меня. Долго. Молча. — Я пойду с тобой.

— Нет.

— Ирина.

— Нет. — Я посмотрела на него. — Ты останешься здесь. С Артёмом. С домом. С родом. Если я не вернусь — ты будешь тем, кто сохранит память.

— Я не хочу сохранять память. Я хочу сохранить тебя.

Я замерла. Посмотрела на него. Долго. Молча. И в этот момент я поняла, что он говорит не как брат. Не как ведун. Не как тот, кого спасли. А как человек, который боится потерять.

— Я вернусь, — сказала я.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он смотрел на меня. Долго. Молча. Потом кивнул. Медленно. Тихо. Как будто не верил. Как будто знал, что я лгу. Как будто знал, что все ведуньи лгут, когда обещают вернуться.

Артём вышел из кухни. Молча. Через минуту он вернулся. В руках — старый рюкзак. Тот самый, с которым я уходила из дома много лет назад. С потёртыми лямками. С запахом старой кожи. С памятью.

— Вот, — сказал он. — Возьми.

Я взяла. Рюкзак был тяжёлым. Как будто в нём лежало что-то ещё. Что-то, что я не видела. Что-то, что ждало.

— Что там?

— Свеча. Спички. Нож. Верёвка. Хлеб. Вода. — Он замолчал. Посмотрел на меня. Долго. Молча. — И ещё кое-что.

— Что?

Он достал из кармана пуговицу. Костяную. Старую. С трещиной. Бабушкину.

— Это та самая, — сказал он. — Та, что была у Аграфены. Та, что она отдала мне. Та, что я держал в руке, когда ты уходила в колодец.

— Зачем ты мне её даёшь?

— Потому что она — память. — Он посмотрел на меня. Долго. Молча. — Потому что она — род. Потому что она — та, кто ждала. Если тебе станет страшно — сожми её в кулаке. И вспомни, зачем ты идёшь.

Я взяла пуговицу. Тёплую. Живую. Как хлеб, который только что вынули из печи.

— Спасибо.

— Не благодари. — Он улыбнулся. Тихо. Тепло. Живо. — Просто вернись.

Я собиралась всю ночь.

Не потому, что было много вещей. А потому, что не хотела уходить. Дом держал меня. Как держит память. Как держит род.

Я ходила по комнатам. Касалась стен. Смотрела на иконы. На чугунок. На лавку, где спал Иван. На стол, где лежала записка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.